

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Уральский федеральный
университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Печерин Андрей Владимирович

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ (1918–1938 гг.)**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург — 2020

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на кафедре истории России.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Величко Юрий Владимирович

Официальные оппоненты: **Чумаченко Татьяна Александровна,**
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», ректор

Кириллов Виктор Михайлович,
доктор исторических наук, профессор, Нижнетагильский
государственный социально-педагогический институт
(филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», профессор
кафедры гуманитарных и социально-экономических наук

Нечаев Михаил Геннадьевич,
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Пермский национальный исследовательский политехнический университет», заведующий кафедрой государственного управления и истории

Защита состоится 29 сентября 2020 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета УрФУ 07.01.09 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=1192>

Автореферат разослан « » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

А. В. Шаманев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. В 2018 г. исполнилось сто лет со времени начала массовых репрессий в нашей стране. Репрессии стали одним из ключевых факторов, повлиявших на изменение многих страт советского общества. Одной из социальных групп, подпавших под влияние репрессивной политики стало православное духовенство. Сегодня Православная Церковь играет в общественной жизни России значительную роль, и изучение изменений, происходивших с Церковью в результате изменений форм государственно-конфессиональных отношений, имеет большое значение для государства, общества и самой Церкви.

Исследование социальных групп, их внутренних и внешних взаимоотношений отвечает запросам современного гражданского общества. Направление, изучающее духовенство как социальную группу, представлено в современных исследованиях синодального периода, однако подобные исследования советского периода истории Церкви единичны. По нашему мнению, это связано в первую очередь с фрагментарной сохранностью, малой доступностью и изученностью архивных материалов. Введение в научный оборот новых источников позволяет создать социокультурный портрет духовенства Русской Православной Церкви в период мощнейшей социальной трансформации, проводившейся в XX веке ради построения нового типа общества.

Объектом исследования является социальная группа служителей Православной Церкви на Урале в условиях политических репрессий.

Понятие «приходское духовенство» в работе тождественно понятиям «служители культа», «служители церкви», «священноцерковнослужители» и включает как лиц, посвященных в церковные степени (от митрополитов до дьяконов), так и лиц, не имевших специального посвящения, но для которых служение в церкви являлось основным источником доходов (псаломщики, иподьяконы и др.). Старообрядческое духовенство в работе не рассматривается. Исследование монашествующих ограничено теми категориями лиц, которые принимали активное участие в приходской жизни или занимали какие-либо церковные должности. В задачи исследования не входит выделение особенностей социокультурного портрета отдельных церковных юрисдикций, появившихся в 1920-е гг. (обновленчество, юрисдикция Временного Высшего Церковного Совета, Андреевское течение и др.) Поэтому приводимая в работе статистика и описательная часть, если это специально не оговаривается, относится ко всей совокупности православного духовенства.

Предметом исследования являются социокультурные характеристики уральских приходских церковнослужителей в изменившихся условиях их профессиональной деятельности.

В настоящей работе используется термин «социокультурный портрет группы» как наиболее соответствующий характеру анализируемых в исследовании источников. Это понятие определяется нами как комплекс общих социальных и культурных признаков, характеризующих социальную группу: возраст, образование, образ и качество жизни, условия труда, особенности профессиональной деятельности, благосостояние, общественный статус, мировоззренческие характеристики, морально-этические нормы, нравственное состояние и политические взгляды. Таким образом, социокультурный портрет группы — это инструментальный метод ее репрезентации.

Территориальные рамки включают нескольких современных областей Урала: Свердловскую, Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую, а также Пермский край и Республику Башкортостан.

Хронологические рамки исследования (1918–1938 гг.) обусловлены рубежами государственной политики по отношению к Церкви¹. Нижняя граница — начало действия декретов советской власти, принципиально изменивших государственно-церковные отношения. Верхняя граница — время окончания Большого террора, в результате которого духовенство уральских епархий утратило традиционную форму организационно-административного управления: был упразднен епископат, прекратилась возможность коллегиального управления, а само духовенство численно сократилось до исторического минимума. Указанные хронологические рамки позволяют рассматривать двадцатилетний период как целостный этап государственно-церковных взаимоотношений, в течение которого произошли существенные изменения социокультурного портрета православного духовенства.

Степень изученности темы. Изучение социокультурного портрета духовенства началось в отечественной исторической науке в 1990-е гг., однако отдельные его аспекты отражены в исторической литературе начиная с 1920-х гг. Исходя из этого историографию проблемы можно условно поделить на четыре периода, каждый из которых отличается как своими приемами, так и своеобразием круга используемых источников.

Первый период. Публикации 1920-х гг. носили ярко выраженный антиклерикальный характер. Создание враждебного образа служителя церкви являлось одной из задач таких публицистов и пропагандистов, как Е. М. Ярославский и П. А. Красиков². Другое направление представляли лидеры обновленческого раскола А. И. Введенский и

¹ См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. 400 с.; *Каплин П. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг.: на материалах Урала: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 5.

² *Красиков П. А.* На церковном фронте (1918–1923). М., 1923. 311 с.; *Ярославский Е. М.* 10 лет на антирелигиозном фронте // *Антирелигиозник.* 1927. № 10. С. 17–21.

Б. В. Титлинов, которые обновленческое духовенство противопоставляли «реакционному» тихоновскому³. Однако в целом в 1920-е гг., несмотря на политическую неоднородность духовенства и случаи поддержки им идей социалистической революции, в литературе отражались преимущественно «контрреволюционные» взгляды духовенства.

Публикации второго периода (начала 1930-х – середины 1950-х гг.) также носят политический и идеологический характер. В работах Б. П. Кандидова характеризуются политические взгляды духовенства в годы Гражданской войны, на конкретных примерах утверждается его имманентная враждебность советской власти⁴. Рассмотрение духовенства как неоднородной группы, поднятое в трудах деятелей обновленчества, в указанный период не нашло своего развития. С конца 1930-х до середины 1950-х гг. в СССР активность изучения духовенства снизилась. Основными причинами этого являлись завершившийся к началу Великой Отечественной войны разгром Церкви и изменение государственной политики в отношении Церкви во время войны.

В те же годы за рубежом в среде русской эмиграции впервые появляются исследования теории социокультурного подхода⁵, на методологической базе которого впоследствии будет написан ряд социокультурных исследований.

Третий период, продолжавшийся с середины 1950-х до конца 1980-х гг., характеризуется новыми подходами к изучению истории Церкви в XX в., а также появлением исследований социальных групп советского общества. При этом духовенство как социальная группа не являлось предметом специальных исследований и рассматривалось в контексте государственно-конфессиональных отношений. Расширение круга источников характерно для трудов ученых Института научного атеизма, в частности М. М. Персица. Рассматривая деятельность 8-го отдела Наркомюста, М. М. Персиц опровергал факт гонений на церковнослужителей, заявляя, что советская власть действовала в целях самозащиты от контрреволюционных выступлений духовенства⁶.

³ *Введенский А. И.* Церковь и государство: очерки взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923. 78 с.; *Титлинов Б. В.* Церковное разделение и мир Церкви. Пермь, 1926. 25 с.

⁴ *Кандидов Б. П.* Церковь и гражданская война на юге. М., 1931. 107 с.; *Он же.* Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция. М., 1930. 148 с.

⁵ *Sorokin P. A.* Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. N. Y., 1947. 442 p.

⁶ *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви (1917–1919 гг.). М., 1958. 198 с.

В 1970–1980-е гг. появляются региональные исследования. И. Д. Эйнгорном изучались государственно-церковные отношения в 1917–1937 гг. в Сибири и вопросы политической переориентации духовенства⁷. На материале уральских источников была написана кандидатская диссертация М. Г. Нечаева, в которой дается анализ количества контрреволюционных выступлений Пермского духовенства в 1917–1920 гг.⁸.

В те же годы за рубежом духовенство Православной Церкви изучалось как объект репрессий. Итогом многолетней работы Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) стал сборник материалов о новомучениках, составленный М. А. Польским, где приводятся сведения и об уральском духовенстве, пострадавшем в результате подавления антибольшевистских восстаний 1921–1922 гг.⁹.

Начало изучения социальных страт с целью создания их группового портрета в трудах отечественных исследователей относится ко второй половине 1960-х гг.¹⁰ и получает развитие в 1970–1980-е гг. При этом исследователи вкладывали в определение социального портрета самый широкий смысл: «все богатство характеризующих его черт — как первичных, так и вторичных, включая социально-психологические свойства»¹¹.

Началом четвертого периода можно считать встречу генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева с патриархом Пименом в апреле 1988 г. и торжественное празднование 1000-летия Крещения Руси. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появилась возможность введения в научный оборот документов Совета по делам религий, отчетов Союза воинствующих безбожников и других документов из партийных архивов. Среди авторов работ, основанных на этих источниках, можно выделить В. А. Алексеева и М. И. Одинцова¹².

Благодаря массовой передаче из архивов УФСБ в региональные архивы следственных дел лиц, осужденных по 58-й статье, исследователи получили доступ к этим ценным документальным комплексам. Документы из Архива Президента РФ и ряд других малоизученных источников введены в научный оборот И. А. Курляндским¹³.

⁷ *Эйнгори И. Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск, 1982. 225 с.

⁸ *Нечаев М. Г.* Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1988. 267 с.

⁹ Новые мученики Российские. Jordanville, 1949. Т. 1. 288 с.; Т. 2. 1957. XXIV, 337 с.

¹⁰ Социальный портрет: [Очерки]. М., 1967. 80 с.

¹¹ *Слепенков И. М., Староверов В. И.* Социальный портрет современной сельской молодежи // Социальный облик сельской молодежи. М., 1985. С. 9.

¹² См.: *Алексеев В. А.* «Штурм небес» отменяется? Критические оценки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. 299 с.; *Одинцов М. И.* Государство и церковь: История взаимоотношений: 1917–1938 гг. М., 1991. 63 с.

¹³ *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. 720 с.

В 1990–2000-е гг. появляются сборники документов по истории Православной Церкви XX века¹⁴. Ценные исторические источники, позволяющие оценить взгляды на власть сельского духовенства и факты сотрудничества с органами госбезопасности, приводятся в сборнике документов «Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-НКВД»¹⁵. Библиография работ по истории Православной Церкви в XX веке, написанных в 1990–2000-е гг., проводится С. Л. Фирсовым¹⁶. Работы этого периода характеризуется пересмотром некоторых общепринятых исторических стереотипов. Так, А. Н. Кашеваров опровергает категоричность тезиса о безоговорочной идеологической поддержке духовенством белого движения¹⁷.

С 1990-х гг. работы по изучению истории Церкви в советский период на уральском материале занимают значительную долю в общероссийских исследованиях¹⁸. Большой вклад в изучение духовенства в условиях Большого террора в Пермском крае внесли М. Г. Нечаев, С. В. Уткин, М. И. и Н. Е. Дегтярёвы¹⁹. Тема сотрудничества церковнослужителей с органами государственной безопасности изучается в работах В. Д. Игнатова и В. А. Королева²⁰. Темой репрессий против духовенства на Урале активно занимаются служители и сотрудники уральских епархий РПЦ. Среди таких работ можно отметить труды протоиереев Н. Е. Стремского и В. В. Лавринова²¹.

¹⁴ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925: в 2 кн. М.; Новосибирск, 1997–1998. Кн. 1. 599 с.; Кн. 2. 648 с.; Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: 1917–1924 гг. Кн. 2. 670 с.; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012. Т. 1. Кн. 1. 712 с.; Кн. 2. 664 с.

¹⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД (1918–1939): Документы и материалы: в 4 т. М., 1998. Т. 1. (1918–1922). 864 с.; 2000. Т. 2. (1923–1929). 1168 с.; 2003. Т. 3 в 2 кн. Кн. 1. (1930–1931). 864 с.; 2005. Кн. 2. (1932–1934). 840 с.; 2012. Т. 4. (1935–1939). 983 с.

¹⁶ Фирсов С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг. М., 2014. 474 с.

¹⁷ Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 354.

¹⁸ Музафарова Н. И. Политика Советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг.: (на материалах Урала): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1992. 37 с.; Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и Православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 370 с.

¹⁹ Дегтярева М. И., Дегтярева М. Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестник Пермского ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 176–186; Нечаев М. Г., Уткин С. В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 244–275.

²⁰ Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР. М., 2014. 416 с.; Простите, звезды Господни: исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? Фрязино, 1999. 320 с.

²¹ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. III. Оренбург, 2000. 304 с.; Лавринов В. В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. 334 с.

В современной зарубежной историографии советского периода истории РПЦ отмечается разнообразие рассматриваемых аспектов, методологий исследования. Так, французский историк и теолог Э. Бер-Сижель посвятила ряд своих трудов изучению служения женщин в Церкви²².

Гендерные подходы церковной истории нашли свое отражение и в отечественной историографии²³. Сведения о женском церковном служении (в т. ч. псаломщическом), деятельности местных сестричеств в 1920–1930-е гг. имеются в работах уральских исследователей²⁴. Тема женского служения популярна за рубежом и сегодня. Так, изучению роли женщины в Церкви посвящен ряд работ американской исследовательницы, историка Н. Б. Киценко²⁵. Новыми подходами в изучении религиозной жизни в СССР отмечен ряд работ С. Луерман²⁶, занимающейся вопросами исторической антропологии. Предметом ее исследований являются социально-экономические и политические условия, влияющие на способность человека менять привычки и убеждения.

В постсоветский период отечественные историки в работах, посвященных изучению социальных портретов, значительно расширили круг рассматриваемых групп: министры, преподаватели провинциального вуза, горожанки и крестьянки, беспризорники, рабочая молодежь, коммунисты Урала начала 1920-х гг., трудармейцы и т. д. В последнее время появились работы по изучению портрета репрессированных²⁷.

Социокультурный портрет духовенства синодального периода является предметом исследования ряда российских историков. В 2002 г. в диссертации О. Ю. Бабушкиной

²² Бер-Сижель Э., *Каллист (Уэр), еп.* Рукоположение женщин в Православной Церкви = L'ordination des femmes dans l'Église orthodoxe. М., 2000. 81 с.

²³ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. 704 с.

²⁴ Печерин А. В. Социокультурный портрет женщины-псаломщика в 1919–1941 гг. (по материалам архивов Урала) // Вестник ПСТГУ. Серия «История. История Рус. Правосл. Церкви». 2018. № 85. С. 100–111; Иванова О. В. Братства и сестричества на Урале в период антицерковных кампаний // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 85–93.

²⁵ Киценко Н. Б. Вероисповедание в советское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3/4 (30). 2012. С. 10–33; Kizenko N. B. The Feminization of Patriarchy? Women in Contemporary Russian Orthodoxy // Signs. Vol. 38 (3). 2013. P. 595–621.

²⁶ Luehrmann S. Antagonistic Insights: Evolving Soviet Atheist Critiques of Religion and Why They Matter for Anthropology // Social Analysis. 2015. 59 (2). P. 98–113.

²⁷ Ляпушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти», 2016. 354 с.

отдельная глава была посвящена анализу социокультурного облика приходского духовенства²⁸. В диссертации А. И. Конюченко предметом исследования выступает социокультурный облик духовенства в контексте трансформационного перехода²⁹. Теме социокультурного облика духовенства Западной Сибири была посвящена диссертация А. В. Васильевой³⁰.

В 2010-е гг. новые перспективы изучения социокультурного портрета духовенства внесло изучение массовых источников и создание на их основе баз данных. Следует отметить труды М. Ю. Нечаевой, создавшей просопографическую базу данных уральского монашества синодального периода³¹. Просопографические базы данных приходского духовенства Пермского края легли в основу диссертационного исследования А. В. Мангилёвой, которая использует понятие «облик» как комплекс признаков, характеризующих положение социальной группы в обществе, ее оценку и самооценку³².

Исследования социокультурного портрета духовенства советского периода представлены к настоящему времени в виде отдельных статей. Ю. А. Русина анализирует изменение социального портрета духовенства в условиях репрессивной политики государства³³. Репрессии Ю. А. Русина рассматривает в широком смысле, не ограничивая их только арестами, конфискацией личного имущества, лишением свободы и казнями: отмена прав собственности на землю, передача церковных школ в ведомство Народного комиссариата просвещения, аннулирование действительности церковного брака, национализацию движимого и недвижимого имущества, массовое изъятие церковных ценностей и закрытие церквей и молитвенных зданий, лишение избирательных прав, непомерное налогообложение в рамках кампании по борьбе с частным предпринимательством и коллективизация³⁴. В результате Ю. А. Русина приходит к выводу, что политические репрессии

²⁸ *Бабушкина О. Ю.* Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. 168 с.

²⁹ *Конюченко А. И.* Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 732 с.

³⁰ *Васильева А. В.* Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.

³¹ *Нечаева М. Ю.* Уральское монашество синодального периода: опыт создания и использования просопографических баз данных // Урал. ист. вестн. 2012. № 3 (36). С. 109–116.

³² *Мангилёва А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 339.

³³ *Русина Ю. А.* Социальный портрет священнослужителя 1920–30-х гг. на Урале (по материалам базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1995. № 14. С. 56–57. Она же. «Нет права голоса — нет доверия»: почему лишены ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 194.

³⁴ *Русина Ю. А.* Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980 годы). Н. Тагил, 1997. С. 119–120.

повлекли за собой существенное изменение характеристик социального портрета духовенства в 1920–1930-е гг.

Цель работы: реконструкция социокультурного портрета приходского духовенства РПЦ на Урале с 1918 по 1938 гг. и выявление динамики изменения его основных характеристик.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

– исследовать динамику изменений социокультурного портрета уральского приходского духовенства в 1918–1938 гг.: количественный и возрастной состав, образовательный уровень, политические взгляды, нравственное состояние и т. д.;

– выявить факторы, оказавшие влияние на изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства;

– изучить формы социальной адаптации приходского духовенства к новым государственно-церковным отношениям и поведенческие стратегии (добровольный выход из духовного сословия, переход на гражданскую работу, уменьшение количества в связи с репрессивной политикой);

– рассмотреть процессы массовой эмиграции и реэмиграции приходского духовенства в первые годы советской власти;

– исследовать феномен вхождения женщины в церковное служение.

Источники. Исследование основано на широком комплексе исторических источников, как опубликованных, так и хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и архивах шести субъектов Российской Федерации: Государственном архиве Свердловской области (ГАСО); Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО); Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО); Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО); Государственном архиве Пермского края (ГАПК); Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО); Центральном государственном архиве Удмуртской республики (ЦГА УР); Архиве Администрации Далматовского района (ААДР); Архивном отделе Администрации муниципального образования Катайский район.

Эти источники относятся к нескольким видам:

1) законодательные и нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-церковные отношения;

2) делопроизводственная документация: а) учетно-статистические документы церковного происхождения: метрические книги, клировые ведомости, «Анкеты всем чле-

нам православного клира»; б) типовые учетно-статистические документы: списки лишенных избирательных прав, судебно-следственная документация, карточки заключенных, личные дела заключенных, анкеты вернувшихся из районов, занятых белыми;

4) источники личного происхождения: дневники, автобиографии, частная переписка (прот. Михаил Елабужский, Гавриил Панов, Николай Буткин и др.);

5) периодическая печать («Безбожник», «Уральские церковные ведомости»).

В ходе исследования для систематизации результатов были сформированы три авторских базы данных, а также ряд таблиц выборок и карточек.

1. База данных репрессированного духовенства Урала (3128 персоналий) создана на основании анализа полной выборки следственных дел по духовенству в ОГАЧО, ГАО-ПДКО, выборки в ГААОСО (включающей более 80 % от имеющихся в архиве следственных дел по духовенству), на основе изданной литературы (Книг Памяти, списков репрессированного духовенства отдельных епархий и др.), баз данных общества «Мемориал», Православного Свято-Тихвинского университета, ГААОСО, ПГАНИ, ОГАЧО, ГАОПДКО и некоторых других источников.

2. База данных лиц, лишенных избирательных прав на территории современной Свердловской области, включает выборку за 1924–1935 гг. по 1739 персоналиям; составлена по спискам лишенных избирательных прав (ГАСО).

3. Просопографическая база данных репрессированного духовенства Курганской области представляет выборку по ста репрессированным священнослужителям; создана методом случайного выбора. Источником формирования базы данных стали анкеты заключенных из следственных дел 1919–1938 гг., хранящихся в ГАОПДКО. В базе представлены возрастной состав, политические убеждения, состав семьи и образование репрессированного духовенства. Территориальный охват: территория современной Курганской области.

Составлены три статистические таблицы по образовательному уровню и возрастному составу духовенства Пермской епархии (1503 человека), Екатеринбургской епархии (1397 человек) и Курганского уезда Тобольской епархии (246 человек). Созданные базы данных и таблицы можно назвать особым видом искусственно сконструированного машинчитаемого источника. Кроме того, была собрана и систематизирована информация о женщинах, занимавших должности псаломщиков на 34 персоналии; о духовенстве, бежавшем в 1919 г. с белыми (108 персоналий); о духовенстве Пермской епархии в 1919–1922 гг. на

123 персоналии; а также о духовенстве Свердловской епархии в 1943–1949 гг. на 48 персоналий³⁵.

Методология и методы. Теоретическую основу исследования составляет социокультурный подход (П. А. Сорокин, А. С. Ахиезер, С. Н. Гавров³⁶). В работе используются общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации, а также сравнительно-исторический и просопографический методы. Мы опираемся на определение просопографии как жанра исследований, предполагающего изучение массовых источников с целью создания динамических коллективных биографий социальной группы на основе статистического анализа, с сохранением возможности изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данную социальную группу³⁷. Для решения задач исследования однотипные биографические сведения были сведены в авторские базы данных, обладающие свойствами массового источника.

Для обработки статистических данных использовались математические методы анализа (Л. Н. Мазур): корреляция по сравнительным показателям, выявление динамических характеристик исследуемых процессов³⁸.

Положения, выносимые на защиту.

1. Репрессивная политика, осуществляемая по отношению к Церкви, явилась основным фактором, повлиявшим на значительное изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства.
2. Массовое беженство духовенства с Белой армией стало одним из факторов, повлиявших на изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства.
3. С начала 1920-х гг. начинает понижаться уровень профессионального образования, значительно уменьшается доля потомственных служителей, повышается процент лояльного власти духовенства.

³⁵ База данных лишенных избирательных прав церковнослужителей Свердловской епархии и членов их семей (1924–1935 гг.) [Электронный ресурс] // Библиотека Екатеринбургской духовной семинарии. Инв. № 64119; База данных репрессированного на территории Курганской области духовенства (1919–1938 гг.). // Там же. Инв. № 64117; База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) // Там же. Инв. № 64118; Таблицы «Образовательный уровень и возрастной состав духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий и Курганского уезда Тобольской епархии (1912, 1915, 1916 гг.)» // Там же. Инв. № 64120; Картотека духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий, бежавшего с белыми в 1919 г. // Там же. Инв. № 64116.

³⁶ *Sorokin P. A. Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology.* N. Y., 1962. 742 p.; *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998. 804 с.; *Гавров С. Н.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М., 2002. 146 с.

³⁷ См.: *Юмашева Ю. Ю.* Историография просопографии // Известия Урал. федер. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. История. 2005. № 39. С. 67.

³⁸ См.: *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. 608 с.

4. Массовое рукоположение клириков в 1919 г. не привело к омоложению причта. Средний возраст приходского духовенства начинает постепенно увеличиваться вплоть до 1938 г.

5. Поиски форм социальной адаптации к государственной политике приводят представителей приходского духовенства к снятию сана и переходу на гражданскую работу или поиску таких форм компромисса, как смена юрисдикции или сотрудничество с органами госбезопасности.

6. Повышается доля вдового и разведенного приходского духовенства, становится распространенным раздельное проживание клириков от жен и других членов семьи.

7. Экономическое положение приходского духовенства и его социальный статус изменяются: от статуса высокого ранга по уровню дохода, образу жизни, положению в политической иерархии, отношению к потреблению и распределению материальных благ к низкому рангу, соответствующему статусу социальной группы, исключаемой из новой общественной формации. Меняется и отношение общины к духовенству: в материальном отношении священник попадает в полную зависимость от прихожан.

8. Проведение репрессивной политики Большого террора в отношении приходского духовенства на Урале, ее интенсивность и размах различались в отношении различных групп духовенства и в зависимости от специфики деятельности областных управлений НКВД.

9. Политика Большого террора привела к сокращению духовенства до исторического минимума.

Научная новизна исследования. Впервые уральское православное духовенство как социальная группа комплексно исследуется в хронологических рамках советского периода. В отечественной историографии большинство работ, рассматривающих данный период, посвящены изучению государственно-конфессиональных отношений, а исследования социокультурного портрета духовенства ограничены синодальным периодом. Это связано как с фрагментарностью документальных комплексов, так и с недоступностью значительной части архивных источников. В настоящее время исследована незначительная часть архивных фондов, и введение в научный оборот новых источников позволяет расширить возможности изучения социокультурных особенностей духовенства Русской Православной Церкви в период мощнейшей социальной трансформации общества в XX веке.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования, а также созданные автором в ходе исследования базы данных, могут быть использованы для дальнейшего изучения уральского духовенства и истории Русской Православной Церкви на

Урале, а также создания специальных образовательных курсов «Социокультурный портрет православного духовенства». Материалы исследования предоставляют возможность их использования для создания концепций соответствующих экспозиций государственных и муниципальных музеев, в просветительской деятельности иных учреждений (например, Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале, созданного в г. Екатеринбурге в 2014 г.).

Апробация результатов исследования. Результаты исследования апробированы более чем на 40 международных, всероссийских и межрегиональных научных конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Екатеринбург, Тамбов, Курган, Челябинск). Основные положения диссертации представлены в 32 научных публикациях, 7 статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, и одной монографии. Материалы исследования нашли отражение в цикле передач телевизионного проекта «Из истории Церкви на Урале» и в 35 газетных публикациях. В 2019 г. за публикацию издания, включающего материалы диссертационного исследования, автор был удостоен молодежной Макариевской премии в области гуманитарных наук.

Структура работы: Введение, две главы, Заключение, список использованной литературы и источников. Изложение материала построено в сочетании хронологического и проблемного подходов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** сформулирована актуальность исследования, определены объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи работы, показана степень изученности темы в отечественной и зарубежной историографии, дана характеристика источниковой базы и методологии.

В первой главе «Репрессивная политика советской власти как фактор изменения социокультурного портрета уральского приходского духовенства» рассмотрены вопросы государственно-церковных отношений на Урале в 1918–1938 гг. Глава состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Уральское приходское духовенство накануне 1918 г.» проанализирован количественный состав духовенства в России и на Урале в предреволюционный период. Количественный состав зависел от числа приходов в епархиях и коле-

бался от тысячи священников, дьяконов и псаломщиков в Тобольской и Уфимской губерниях до полутора тысяч в Пермской. На примере Екатеринбургской и Пермской епархий видно, что в начале XX в. наблюдался небольшой, но стабильной прирост клира. Однако уровень образования духовенства не соответствовал требованиям, предъявляемым священноначалием. В Екатеринбургской епархии процент духовенства с полным семинарским или академическим образованием составлял 55 %, в Пермской епархии — 43 % (в губернской Перми он составлял 85 %, а в отдаленном Чердынском уезде всего 25 %). Такая ситуация получила повсеместное распространение и в других епархиях и отчасти объяснялась тем, что с конца XIX в. учащиеся семинарий получили возможность поступления в светские вузы.

Доля священнослужителей среди служителей церкви (дьяконов и псаломщиков) во всех епархиях была стабильно высокой и составляла от 46 % до 49 %; на втором месте по численности была группа псаломщиков (от 31 % до 43 %); дьяконство было самой небольшой и нестабильной по количеству группой (от 8 до 23 %).

Возрастной состав духовенства к началу XX в. изучен на примере пермского духовенства. Для 82 % духовенства он составлял менее 50 лет, при этом самой молодой группой являлись псаломщики, а самой пожилой — священнослужители. Динамика изменения иных социокультурных характеристик дореволюционного духовенства рассмотрена во второй главе.

Во втором параграфе «Репрессии против духовенства во время Гражданской войны и массовое бегство приходского духовенства» рассматривается первая волна репрессий против духовенства и ставшее ее следствием массовое бегство духовенства с приходов. Первые репрессии в отношении духовенства начались на Урале в 1918 г., когда 13 февраля был убит воспитанник Екатеринбургской семинарии Симеон Коровин. Особенностью террора в Екатеринбургской епархии было то, что он был начат летом 1918 г., за несколько месяцев до официального объявления «красного» террора, был инициирован на местах и отличался бессудностью расправ над священниками, оказавшимися в местах ведения боевых действий. В Екатеринбургской епархии пострадало 3,5 % духовенства (39 священников, 8 дьяконов, 1 псаломщик). В большей степени от террора пострадали протоиереи и священнослужители. Так, в Екатеринбургской епархии от общего числа было убито 6 % священников, 3,1 % дьяконов, 0,2 % псаломщиков. В Пермской епархии было убито 39 % протоиереев, 7 % священников, 2 % дьяконов, 1 % псаломщиков (19 протоиереев, 44 священник, 6 дьяконов, 4 псаломщика).

Летом 1918 г. в приходах, располагавшихся в окрестностях Далматовского монастыря, появляется практика служения монашествующего духовенства на приходах. Принятая как временная мера, она впоследствии получит широкое распространение по всему Уралу в связи с закрытием монастырей.

Свидетельства очевидцев и слухи об ужасах «красного» террора вызвали боязнь его повторения и стали главными причинами массового бегства духовенства с приходов при генеральном наступлении Красной армии на Восточном фронте. Бегство духовенства в 1919 г. затронуло в большей степени те районы, где в 1918 г. вспыхивали антибольшевистские восстания. В Красноуфимском уезде с приходов ушло около 75 % священнослужителей, а количество приходов, где ушел хотя бы один из членов причта, составило 95 %. В районах, не пострадавших от Гражданской войны, бегство духовенства было несколько меньшим. Так, в Туринском уезде приходы покинули 50 % священнослужителей. Массовое бегство духовенства не могло не привести к изменению социокультурных характеристик уральского духовенства.

В третьем параграфе «Приходское духовенство в условиях репрессивной политики в 1920–1930-е гг.» исследованы формы и способы репрессивной политики советской власти в отношении духовенства. Период 1922–1926 гг., обозначенный исследователями как «религиозный НЭП», характеризуется повышением влияния государства на внутреннюю жизнь Церкви. В это время на Урале получают распространение обновленческое, «григорьевское» и «андреевское» движения. Два первых характеризуются в современной историографии как расколы, сформированные при помощи ОГПУ. Увеличение числа церковных юрисдикций привело к умножению епископата. В этот период начинается активная вербовка осведомителей ОГПУ из числа духовенства.

Новая волна репрессий против уральского духовенства возникает после свертывания НЭПа и поворота к форсированной индустриализации. Эту волну массовых арестов можно ограничить 1927–1933 гг. Репрессии этого периода захватили в большей степени сельскохозяйственные районы и, соответственно, сельское духовенство. Следующей волной репрессивной политики этого периода стала массовая компания против церковно-монашеских общин. Из 54 монашествующих, осужденных на территории Челябинской области (в современных границах) за весь советский период, было осуждено с 1929 по 1933 гг. более половины (29 чел.). Против монашествующих, проживавших в Верхотурье, было сфабриковано групповое дело «Историческая гниль», по которому были осуждены около 80 чел.

На этот период приходится массовое закрытие церквей, сокращается количество епархий. В результате потери рабочих мест, страха репрессий и арестов во всех уральских

епархиях сокращается количество служащего духовенства. Так, за десять лет, с 1926 по 1936 г., количество священнослужителей в Свердловской епархии сократилось с 762 до 310, т. е. на 60 %. Четвертая часть (117 из 452) священнослужителей оставили службу по причине ссылок и заключений. Политика лишения избирательных прав с 1918 по 1936 гг. привела к массовому уходу из церковного служения группы псаломщиков и уменьшению ее доли в церковном клире. Если священники, дьяконы и псаломщики, прекратив профессиональную деятельность, часто переходили на гражданскую службу, то вышедший за штат епископат за единичным исключением содержался за счет сборов прихожан.

В четвертом параграфе «Большой террор против уральского приходского духовенства» изучается политика осуществления террора в 1937–1938 гг. Период Большого террора явился кульминацией репрессивной политики. В большей степени репрессии коснулись епископата, который был в этот период уничтожен, а также служащих клириков (в первую очередь священников, потом дьяконов). В меньшей степени репрессии затронули псаломщиков и иных работников церкви. Монашествующие пострадали в меньшей степени, чем во время репрессий 1929–1933 гг.: репрессии коснулись тех, кто служил на приходах. Пострадали этот период даже осведомители НКВД из числа служителей церкви, хотя интенсивность их привлечения определялась часто региональными особенностями работы областных отделов НКВД.

Интенсивность террора, определяемая количеством смертных приговоров от числа арестованных, была чрезвычайно высока, но отличалась в разных областях. Для священников Оренбургской области доля расстрельных приговоров составляла 95,5 %, для Башкирии — 83,6 %, для Челябинской области (включая современную Курганскую область) — 82 %, для Свердловской области (с пермской частью) — 65,7 %.

Большой террор против священнослужителей продолжился массовым закрытием церквей, в результате чего рабочих мест лишились все оставшиеся на свободе дьяконы, псаломщики и иные работники церкви. Аресты оставшихся на свободе священников и закрытие храмов продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны. В результате этого в Чкаловской (Оренбургской) и Челябинской областях не осталось ни одного действующего храма и ни одного служащего священника, в Башкирии работал один действующий храм с несколькими клириками. В Свердловской и Пермской епархиях сохранилось соответственно 20 и 9 храмов со служившим в нем духовенством.

Примерно одинаковое количество клириков Свердловской и Оренбургской епархий побывало в местах заключения (66 % и 69 % соответственно). Прерывали на длительные сроки свое служение в церкви 56 % послевоенного духовенства Свердловской и 86 %

Оренбургской епархий, причем у большинства перерыв был связан с заключением и сложностью трудоустройства после освобождения. И только в Свердловской области удалось обнаружить 6 чел., которые служили 1920–1930-е гг., не подвергшись аресту и не выходя за штат. Анализ биографий духовенства Свердловской и Оренбургской епархий, состоявшего на службе в 1940-е гг., позволил проследить адаптационные стратегии, которые помогли ему выжить в годы Большого террора.

Вторая глава «Изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства в 1920–1930-е гг.» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе показано изменение уровня доходов и качества жизни. К началу XX в. среди духовенства возникла существенная дифференциация обеспеченности жизненными благами. Наиболее обеспеченными группами являлись настоятели богатых приходов и священники-преподаватели светских вузов в уездных и губернских центрах. Среди сельского духовенства встречались очень бедные клирики. Основной статьей расходов для сельского духовенства являлось обучение детей.

После 1918 г. изменились статьи доходов и структура расходов. Некоторые доходы (хлебное обеспечение от прихожан, плата за требы) оставались неизменными весь советский период, другие (оплата жилья, отопления и уплаты налогов) приобрели существенное значение в новых экономических условиях или наоборот исчезли (государственный вклад, пользование землей, арендная плата, проценты от церковных вкладов).

Падение доходов после 1918 г. изменило структуру быта клириков в сторону самообеспечения за счет ведения собственного хозяйства. Во время сезонных работ священнику по хозяйству помогали десятки крестьян собственного прихода. Нередким для священников оставалось содержание прислуги для помощи в ведении хозяйства. Такое положение сохранялось до 1929–1933 гг., когда в результате раскулачивания и конфискации имущества в счет неуплаты налогов духовенство было фактически поставлено на грань выживания.

Имущественное положение духовенства было подорвано изъятием церковных домов, осуществлявшемся на селе в первой половине 1920-х гг. К началу 1930-х гг. изъятию подверглись и частные дома. Из анализа выборки клировых ведомостей видно, что большинство семей клириков в селах Свердловской области проживали на съемной жилплощади. Положение городского духовенства из-за дефицита жилплощади и большого количества детей было особенно тяжелым.

Во втором параграфе «Изменение образовательного уровня и возрастного состава» показано, что появление множества вакантных мест после бегства духовенства с приходов в 1919 г. привело к массовым замещениям. С отступавшей Белой армией бежали в первую очередь потомственные служители церкви, имеющие, как правило, семинарское

образование. В Красноуфимском уезде процент клириков с окончанным семинарским образованием снизился с 30 % в 1912 г. до 12 % в начале 1920-х гг., а в Пермском уезде — с 45 % до 7 %. От трети до половины и более клириков в Пермском уезде составляли лица из других социальных страт. Сан принимали люди, не имевшие специального образования и опыта службы. Несмотря на возвращение части клириков, низкий уровень духовного образования продолжал оставаться данностью на протяжении 1920–1930-х гг. Так, на территории Екатеринбургской епархии, где уровень образованности духовенства был изначально выше, количество духовенства с семинарским образованием к началу 1930-х гг. (относительно 1915 г.) снизилось более чем в 2 раза (с 55 % до 25 %).

Массовые рукоположения 1919 г. и начала 1920-х гг. в целом не привели к омоложению духовенства. Средний возраст ставленников в Красноуфимском уезде Пермской епархии в 1919 г. составлял 40 лет. Сокращение числа рукоположений, уход молодых служителей церкви на гражданскую работу приводит к постепенному старению причта. На территории Свердловской области, согласно выборке 1925 г., он составлял 46 лет, по выборке 1929 г. — 51 год. К 1937 г. средний возраст духовенства составлял в разных епархиях Урала от 54 до 57 лет.

Параграф третий «Эволюция политических взглядов и морального состояния». Революционные события в России породили волну реформаторских движений, охвативших в т. ч. и духовенство. Из анализа анкет духовенства Пермской епархии видно, что за проведение реформ в конце 1922 г., высказывалось 70 % священников, остальные занимали неопределенную позицию. Противники реформ, судя по анкетам, себя не проявляли. Наибольшей популярностью пользовались предложения по реформам приходской жизни, богослужебной практики, в т. ч. русификации церковно-славянских текстов. Некоторые из предлагаемых реформ были введены в церковную практику в 1920-е гг.: выборность епископата, активное развитие братств и сестричеств, увеличение социально полезной деятельности церкви.

Политические взгляды духовенства, несмотря на декларируемую после 1917 г. аполитичность, изменялись часто вслед за изменением государственной власти. К 1918 г. монархия на Урале поддерживалась единицами, во время Гражданской войны большинство духовенства поддерживало белые власти. После массового бегства духовенства с Белой армией большинство оставшихся клириков выражало лояльность и симпатии советской власти.

Нравственное состояние клира и соответствие его церковным каноническим нормам контролировалось до революции епархиальной властью. С начала 1920-х гг. контроль со стороны церковного начальства постепенно ослабевает. После вмешательства светской

власти в профессиональную сферу (например, регистрация священника к месту службы) у церковной власти пропадают рычаги административного воздействия для увольнения духовенства с приходов. В 1930-е гг. дисциплина церковного суда фактически перестает функционировать, что в целом сказывается на падении нравственного состояния клириков.

Попытки социальной адаптации духовенства в новом обществе часто приобретали формы сотрудничества с ОГПУ-НКВД. Мотивация к сотрудничеству была различной: от добровольной (с целью приобрести привилегии) до страха за свою жизнь и жизнь родственников.

Реальное выполнение взятых при подписке обязательств также различалось: от частого составления агентурных справок и действий, ведущих к закрытию приходов по указанию НКВД, до отказа от реального доносительства или выполнения этой работы в интересах церкви (например, описания в доносах жалоб на притеснения от государственных органов).

По Челябинской области сохранилась статистика, говорящая о том, что только четвертая часть из давших подписку о сотрудничестве занималась доносительством. Сотрудничество с ОГПУ-НКВД не всегда избавляло от репрессий, а во время Большого террора могло сыграть и отягчающую роль: документы Челябинского НКВД свидетельствуют, что все доносители из церковной среды были «поставлены» руководителями созданных фиктивных контрреволюционных организаций и приговорены к расстрелу.

В четвертом параграфе «Женское служение в церковном причте» исследуется феномен женского псаломщического служения. В XX веке роль женщины в храме начала меняться. Общественное движение за более полное участие женщин в церковной жизни, возникшее в столичных аристократических кругах, к 1918 г. возросло настолько, что нашло отражение в определении Поместного Собора, согласно которому женщина в исключительных случаях могла быть допущена к служению в алтаре в качестве псаломщика. Женское псаломщическое служение появляется на Урале в 1919 г. и благодаря ряду факторов получает свое развитие.

Впервые в XX в. женщины получают право входить в алтарь — сакральное пространство храма — и помогать священнику в совершении богослужения. В 1920–1930-е гг. к служению в должности псаломщика привлекались молодые и активные монастырские послушницы или вдовы, средний возраст которых составлял 32 года. В некоторых приходах (как в Ординском Пермской епархии) наблюдается преемственность женщин на должностях псаломщиков. Появляется практика перехода женщин на должности псаломщика в другие приходы, что приводит к распространению этого явления. Анализ группы псаломщиков, репрессированных в годы Большого террора, показывает, что женщины

были представлены в этой группе широко, а в Свердловской области даже сравнились по количеству с мужчинами. Можно констатировать, что с 1918 по 1938 г. женское служение в церкви получило широкое развитие, что позволило ему сохраниться в течение всего XX в., а в отдельных местах вплоть до наших дней.

В Заключении подведены основные итоги исследования.

Два десятилетия репрессивной политики советской власти привели к кардинальному изменению социокультурного портрета уральского приходского духовенства. Первой фактором, повлиявшим на изменение социокультурного портрета уральского духовенства, стал «красный» террор и последующее беженство духовенства. Опустевшие места при этом вскоре были заняты вновь рукоположенными клириками: людьми менее образованными и более лояльными советской власти.

В период НЭПа при временном ослаблении репрессивной политики продолжалась антирелигиозная пропаганда, поддержка церковных расколов и формирование системы доносителей внутри церковной среды. Наряду с уменьшавшейся возможностью церковной власти влиять на жизнь приходского духовенства роль возрастает государства в сфере личной жизни клирика, несмотря на формальное отделение церкви от государства. Это в той или иной мере накладывает свой отпечаток на мировоззрение приходского священника.

В 1920-е гг. происходит изменение формы существования частных хозяйств духовенства. С общим падением доходов из вспомогательных они становятся основными источниками. В условиях форсированной индустриализации и коллективизации частное хозяйство духовенства, наряду с хозяйствами зажиточных крестьян, подвергается разорению. Этот процесс сопровождается активными арестами и приводит в свою очередь к массовому переходу духовенства на гражданскую службу.

Еще одним фактором, повлиявшим на массовое сокращение группы псаломщиков и дьяконов на приходах, стала политика лишения церковнослужителей избирательных прав. Данная мера со второй половины 1920-х гг. коснулась низшего церковного клира, монашествующих, а также членов семей представителей духовенства всех уровней. Начиная с 1919 г. на Урале псаломщические вакансии активно занимают женщины, и таким образом в XX веке возникает феномен женского псаломщического служения, не имевший аналогов в церковной истории.

Кульминацией репрессивной политики советского государства явился Большой террор, с особой жестокостью обрушившийся на священнослужителей. Проведение репрессивной политики Большого террора в отношении духовенства на Урале, его интен-

сивность и размах различались в зависимости от политики каждого областного управления НКВД. В результате Большого террора духовенство фактически перестало существовать как социальная группа.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. Печерин, А. В. Духовное образование в советской России: историко-правовой аспект / А. В. Печерин, В. Н. Ильченко // Педагогическое образование в России. — 2015. — № 11. — С. 259–263 (0,6 / 0,2 п. л.).
2. Печерин, А. В. Массовое бегство духовенства на Урале в 1919 г. и его последствия / А. В. Печерин, А. В. Мангилёва // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 3. — С. 138–166 (1,6 / 0,8 п. л.).
3. Печерин, А. В. Особенности проведения Большого террора против служителей Церкви на Урале / А. В. Печерин // Вестник Пермск. нац. исслед. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. — 2018. — Вып. 3. — С. 96–109 (1 п. л.).
4. Печерин, А. В. Поместный Собор Российской Православной Церкви и Первый Чрезвычайный всероссийский съезд духовенства и мирян в воспоминаниях екатеринбургского протоиерея Алексия Игнатъева / А. В. Печерин, Ю. М. Сухарев // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 2. — С. 148–180 (2,5 / 1,2 п. л.).
5. Печерин, А. В. Репрессии против православного духовенства на территории Челябинской области (1918–1939 гг.) / А. В. Печерин // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. — 2018. — № 2. — С. 100–105 (0,8 п. л.).

6. Печерин, А. В. Социокультурный портрет женщины-псаломщика в 1919–1941 гг. (по материалам архивов Урала) / А. В. Печерин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2018. — № 85. — С. 100–111 (0,7 п. л.).
7. Печерин, А. В. «Церковные агенты» ОГПУ–НКВД на Урале в 1920–1930 гг.: штрихи к социальному портрету / А. В. Печерин // Вестник Пермск. нац. исслед. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. — 2018. — Вып. 3. С. 96–109 (0,8 п. л.).

Другие публикации:

8. Печерин, А. В. Миссионерское служение священномученика Аркадия Гаряева / А. В. Печерин, Г. А. Кротова // Современная православная миссия: материалы докл. и общ. Всерос. науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во Ново-Тихвинского женского монастыря, 2010. — С. 309–321 (0,6 / 0,3 п. л.).
9. Печерин, А. В. Иоанн Иванович Шишев / А. В. Печерин, А. В. Колесов // Православная энциклопедия. Т. XXIII. — Москва : Православная энциклопедия, 2010. — С. 311–312 (0,2 / 0,1 п. л.).
10. Печерин, А. В. Иосиф Фомич Сиков / А. В. Печерин // Православная энциклопедия. Т. XXV. — Москва : Православная энциклопедия, 2011. — С. 589–590 (0,2 п. л.).
11. Печерин, А. В. Литературное наследие священномученика Аркадия Гаряева / А. В. Печерин, И. Н. Корсунова // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — С. 241–248 (0,5 / 0,25 п. л.).
12. Печерин, А. В. Государственная политика по отношению к Церкви по материалам Гос. архива общественно-политической документации Курганской области / А. В. Печерин // Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе: проблемы и перспективы : материалы II межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : АМБ, 2011. — С. 75–79. (0,4 п. л.).
13. Печерин, А. В. Священномученики Курганской епархии / А. В. Печерин // Православие на Урале: вехи истории : материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : УЦИО, 2012. — С. 131–137 (0,4 п. л.).
14. Печерин, А. В. Священномученик Василий, диакон Далматовский / А. В. Печерин // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: история и современность : сб. ст. — Екатеринбург : АМБ, 2012. С. 57–61 (0,5 п. л.).

15. Печерин, А. В. Колчеданский Покровский женский монастырь / А. В. Печерин, В. В. Богомолов // Православие на Урале: веки истории : материалы второй межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : УЦИО, 2013. — С. 101–112 (0,6 / 0,3 п. л.).
16. Печерин, А. В. Священномученик Николай Филатовский (иерей Николай Вениаминович Бирюков) / А. В. Печерин // Сухоложье в истории Урала: связь времен : материалы регион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : УЦИО, 2013. С. 146–156 (0,3 п. л.).
17. Печерин, А. В. Личная карточка заключенного как исторический источник / А. В. Печерин // Церковь. Богословие. История: материалы Всерос. науч.-богослов. конф. — Екатеринбург : ЕДС, 2014. — С. 199–206 (0,4 п. л.).
18. Печерин, А. В. Новые факты из жизни священномученика Аркадия (Ершова) / А. В. Печерин // Православие на Урале: связь времен : материалы V межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : УЦИО, 2014. — С. 76–82 (0,4 п. л.).
19. Печерин, А. В. Крест архипастыря: материашы к биографии священномученика Аркадия (Ершова), епископа Екатеринбургского / авт. и сост. А. В. Печерин. - Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2015. - 252 с. : ил. (9,3 п. л.)
20. Печерин, А. В. Некоторые аспекты истории антиобновленческого движения на Урале / А. В. Печерин, А. В. Разин // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. науч.-богосл. конф. Екатеринбург : ЕДС, 2015. — С. 528–535 (0,4 / 0,3 п. л.).
21. Печерин, А. В. История Екатеринбургской духовной семинарии (1912–1919): преподавательская корпорация, воспитанники, учебный процесс / А. В. Печерин, С. Ю. Акишин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2016. — № 3. — С. 33–79 (1,3 / 0,7 п. л.).
22. Печерин, А. В. Источники по истории Екатеринбургской (Свердловской) епархии за период с 1921 по 1938 гг. из архива Московской Патриархии / А. В. Печерин, А. И. Ключагин // Церковь. Богословие. История : материалы IV Междунар. науч.-богослов. конф. — Екатеринбург : ЕДС, 2016. С. 71–81 (0,5 / 0,3 п. л.).
23. Печерин, А. В. Представление о монархической власти в публицистическом и гомилетическом наследии сщмч. Андроника (Никольского) / А. В. Печерин, А. В. Разин // Церковь. Богословие. История : материалы IV Междунар. науч.-богослов. конф. — Екатеринбург : ЕДС, 2016. — С. 118–121 (0,5 / 0,3 п. л.).
24. Печерин, А. В. Духовное сопротивление богоборческой власти в Зауралье в 1918 г. / А. В. Печерин, игум. Варнава (Аверьянов) // Политические репрессии на Урале. 1918–1953 гг. : регион. науч.-практ. конф. — Верхотурье, 2016. — С. 32–34 (0,4 / 0,2 п. л.).
25. Печерин, А. В. Подвижники благочестия Курганской митрополии / А. В. Печерин. — Далматово : Белое городище, 2016. — 177 с. — (Церковная история Зауралья, кн. D) (7,6 п. л.).

26. Печерин, А. В. Новые факты к биографии священномученика Константина Бого-
явленского (1896–1918) / А. В. Печерин, Н. Л. Стукова // Вестник Екатеринбургской духов-
ной семинарии. — 2017. — № 1. — С. 132–152 (1,2 / 0,6 п. л.).
27. Печерин, А. В. Общественно политические взгляды духовенства Екатеринбург-
ской епархии в 1917–1918 гг. / А. В. Печерин // Политические репрессии на Урале. 1918–
1953 гг.: регион. науч.-практ. конф. / ГААОСО. — Верхотурье, 2016. — С. 120–127. (0,4
п. л.).
28. Печерин, А. В. Анкеты священников как исторические источники // Правосла-
вие на Урале: связь времен : материалы VI межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург,
3 февр. 2017 г.). — Екатеринбург : УЦИО ; ЕДС, 2017. — С. 166–174 (0,4 п. л.).
29. Печерин, А. В. Репрессии против духовенства Екатеринбургской епархии / А. В.
Печерин, А. В. Колесов // ГУЛАГ. Начало: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь,
10–11 нояб. 2017 г.). — Пермь : Перм. нац. исслед. политех. ун-т, 2017. — С. 169–176 (0,4 /
0,2 п. л.).
30. Печерин, А. В. Зауральские новомученики: жизнь и страдания / А. В. Печерин.
— Далматово : Белое городище, 2018. — 312 с. — (Церковная история Зауралья, кн. II)
(14 п. л.).
31. Печерин, А. В. К вопросу о сотрудничестве духовенства с органами НКВД (на
примере Урала) / А. В. Печерин // Православие на Урале: связь времен : материалы VII меж-
регион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : УЦИО ; ЕДС, 2018. С. 178–184 (0,3 п. л.).

Монографии:

32. Печерин, А. В. Очищение огнем: Репрессии против православного духовенства Ека-
теринбургской епархии летом 1918 г. / А. В. Печерин. — Екатеринбург : УЦИО, 2016. — 172
с. (6,6 п. л.).